

Л. Н. ОГАНЯН

**А. С. ПУШКИН И МОЛДАВСКАЯ ТЕМАТИКА
А. Ф. ВЕЛЬТМАНА**

Среди кишиневских знакомых А. С. Пушкина значительная роль принадлежит А. Ф. Вельтману. Ныне почти совершенно забытый, писатель А. Ф. Вельтман в середине прошлого века пользовался большой известностью. В. Г. Белинский писал о нем: «Кому не известен талант Вельтмана? Кто не странствовал с его «Странником» по всем странам мира, древнего и нового, словом везде, куда его только влекла его прихотливая и причудливая фантазия автора? ...Талант Вельтмана самобытен и оригинален в высочайшей степени; он никому не подражает, и ему никто не может подражать»¹.

В Кишинев А. Ф. Вельтман приехал в 1818 году. Окончив офицерскую школу колонновожатых, Вельтман занимался в Молдавии топографической съемкой. Впоследствии, в своих бессарабских воспоминаниях он писал о себе следующее: «...я был тогда еще в первой поре юношества, с головой, которая не задумывалась, с чувствами не напуганными и все страшное возбуждало только мое любопытство... Проехав через карантин в таможенную, я переправился через древний Тирас (Днестр), задумался и очутился возле корчмы молдавской один, как сирота. Почтарь дубоссарский, сложив мои вещи с брички на землю, поскакал назад, как от брошенного на жертву чуме, змеям, знойному солнцу и будущности... Новая страна — новые чувства. Я углубился в горы и доли Бессарабии, как в таинственный дульчац...»².

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1963, стр. 115.

² Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899, стр. 104.

Восемнадцатилетний юноша с большим интересом присматривался к природе Бессарабии, к нравам и обычаям населения. По воспоминаниям самого А. Ф. Вельтмана, он обладал «склонностью плести рифмы» и в своих ранних стихах воспевал главным образом природу. Так, например, в стихотворении «Весна» Вельтман писал:

Весна предшественница лета
В зеленом к нам плаще идет
Цветами алыми одета
Веселие с собой ведет...
...Тебя весна все воспевают
Тебе всяк рад и Ир и Крез
Бедняк и бедность забывает
И в радости не льет ум слез³.

О политических взглядах Вельтмана говорит его стихотворение «Хвала Александру I»:

...О ты! Европы избавитель
Могу ль и я тебя воспеть
Коварства, алчности рушитель
На доблесть можешь ты лишь зреть
Отец России, всей Европы
Твоя десная все спасла
Рушителя всей адской злобы
В тебе Россия обрела...⁴

Это верноподданническое стихотворение было полной противоположностью стихотворениям А. С. Пушкина («Вольность», «Noël»), написанным в те же годы.

В Кишиневе Вельтман продолжал писать стихи, и хотя его поэзия, по его же собственному мнению, «была самая жалкая, но я между товарищами носил имя «Кишиневского поэта». Причиной этого были стихи на Кишиневский сад, в которых я воспевал всех посещающих оный, профанически подражая воспеванию героев русских»⁵.

В этих стихах А. Ф. Вельтман описывал природу окрестностей Кишинева и давал меткие характеристики посетителям Кишиневского сада. О Кишиневе он иронически писал:

...Но что Москва и град Петров
В просторном скрыты отдаленье
Когда пред взором Кишинев
Стоит на гордом возвышеньи
И славный Бык меж камышом
В извилинах своих струится
Приятный гул и тихий гром

³ Рукописный фонд библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 47 (Вельтман) I, папка 27, ед. хр. 4, л. 2.

⁴ Там же, л. 23.

⁵ Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899, стр. 114.

В зыбях его всегда двойтся...
Ликуют громом шумливые
То водяные соловьи.
Пары собравшись над водою
Повсюду льют благоуханье
От коих знойною порою
Ужасно страждет обонянье...

Посетители сада описывались не в менее ироническом тоне:

Колонной все они идут
Иной накушался досыта
И весом будет в десять пуд,
Другой играя роль учену
Премудро гордый принял вид
А тот задать желая тону
Прищурившись в очки глядит
И отрастив усы ужасны
Он ими гордо шевелит...⁶

Тут и «с лисьим свойством» полицмейстер Туманов, и красавица Пульхерия Варфоломей со своим «умильным молчанием», и К. Стамати «с своей долговязой сестрицей».

Когда А. С. Пушкин в сентябре 1820 года прибыл в Кишинев, между ним и Вельтманом не сразу установились дружеские отношения.

А. Ф. Вельтман писал об этом следующее:

«Я сознаю, что если чудные звуки В. А. Жуковского породили во мне любовь к поэзии, то приезд Пушкина в Кишинев породил во мне чувство ревности к музе... Встречая Пушкина в обществе и у товарищей, я никак не умел с ним сблизиться; для других в обществе он мог показаться ровен, но для меня он казался недоступен. Я даже удалялся от него, и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня тогда чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь из товарищей не сказал ему при мне: «Пушкин, вот и он пописывает у нас стишки»⁷.

Это своеобразная «боязнь» при встрече и разговорах с Пушкиным, к счастью для Вельтмана, вскоре прекратилась, и между Пушкиным и Вельтманом возникли хорошие, дружеские отношения. Изменились они в результате спора о произношении буквы *у*. Вельтман так описывает этот спор: «Я сказал уже, что боялся не только говорить, но даже быть вместе с Пушкиным; но странный случай свел нас. Заспорив однажды с кем-то, что фамилия Таушев, произносящаяся через *у* с краткой, должна и писаться правильно с краткой, ибо письмо не должно изменять произношению, я доказывал, что должно

⁶ Рукописный фонд библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 47 (Вельтман) I, папка 27, ед. хр. 5, л. 20.

⁷ Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899, стр. 114.

ввести в употребление *у* с краткой и привел наобум следующие четыре стиха:

Жуковский, Батюшков и Пушкин
Парнасса русского певцы,
Пафнутьев, Таушев и Слепушкин —
Шестого корпуса писцы».

«Над *у* не должно быть краткой, *и*—лишнее в стихе: должно быть:

Пафнутьев, Таушев, Слепушкин» — кричали все. Я из себя выходил, доказывая, что если в произношении *у* краткое, то *и* должно быть. В это время вошел Пушкин; ему объяснили спор; он был против меня, и тщетно я уверял, что *у* в фамилии Таушев — то же, что краткое *и*, и что, следовательно, в стихе:

Пафнутьев, Таушев и Слепушкин *и* необходимо. Ничто не помогло. Пушкин не хотел знать *у* с краткой»⁸.

Вскоре после этого спора между Вельтманом и Пушкиным установилось более близкое знакомство. Творчество Вельтмана в это время, по его словам, «ограничивалось письмами, но по какой-то непреодолимой страсти я не мог написать всего письма в прозе: непременно, нечувствительно прокрадывались в него рифмы. Да еще я начинал писать какую-то огромную книгу в стихах и прозе (заглавия не помню, кажется «Этеон и Лайда»), что-то вроде поэмы о крестовых походах, — только действие на Ниле»⁹.

Таково было творчество А. Ф. Вельтмана к моменту его более близкого знакомства с А. С. Пушкиным и В. Ф. Раевским.

Сблизившись с ними, Вельтман часто бывал на квартире Раевского, слушал шумные и страстные споры, принимал в них участие.

Липранди в своих воспоминаниях писал о том, что Пушкин «умел среди всех отличить А. Ф. Вельтмана, любимого и уважаемого всеми оттенками. Хотя он и не принимал живого участия ни в игре в карты, ни в кутеже и не был страстным охотником до танцевальных вечеров Варфоломея, но он один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому беседы с ним были другого рода. Он безусловно не охал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор, и это не нравилось Александру Сергеевичу несмотря на неограниченное его самолюбие. Вельтман делал это хладно-

⁸ Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899, стр. 124.

⁹ Там же, стр. 125.

кровно, не так как В. Ф. Раевский, В этих случаях Пушкин был неподражаем; он завязывал с ним спор, иногда очень горячий, в особенности с последним, с видимым желанием удовлетворить своей любознательности, и тут строптивость его характера совершенно ступшевалась»¹⁰.

Сближение Вельтмана с Пушкиным и Раевским произошло в то время, когда в Кишиневе развертывалась деятельность декабристов, происходили знаменательные события в Молдавии и Валахии.

Вельтман мог не знать всего о пропагандистской деятельности Раевского, о ланкастерской школе, но смелые споры и взгляды захватывали его, заставляли думать о существующих порядках. В воспоминаниях о Бессарабии Вельтман умалчивает о своей близости с Раевским, но ряд документов говорит о ней.

Много лет спустя, вспоминая о своей юности, о любви ко всему смелому, Вельтман писал:

Когда тому лет сорок
За хвост ловил сорок
И смелый шаг был дорог
Без целей, без дорог,
Когда колчан был полон
Что взгляд то и полон
Аттически был солон,
Что слово, то Солон¹¹.

Военная служба и близость с Раевским заставляли Вельтмана задумываться над положением солдат. По-видимому, этот вопрос не раз обсуждался и на квартире у Раевского, где часто бывали Пушкин и Вельтман. Все это нашло отражение в одном из ранних произведений Вельтмана «Военная нравственность и черты военных добродетелей», в котором он писал, что «военный человек есть гражданин избранный, или посвятивший жизнь свою для защиты Веры, чести, блага и славы Отечества своего от внутренних нарушителей спокойствия государства и от нападений неприятеля». Далее он говорит о том, что «военное звание включает в себе обязанности и человека и гражданина и воина». Утверждая, что «слава военная более прочих действует на душу молодого человека», он писал о необходимости воспитывать солдат на примере жизни Суворова, на походах Александра Македонского, Ганнибала, Олега, Святослава, на примере битвы русских у Калки и на других примерах русской истории.

Как известно, на необходимость обучения солдат на примерах русской истории указывал и Раевский, который при пре-

¹⁰ Заметки на статью «Пушкин в южной России». «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди». «Русский архив», 1866, № 10.

¹¹ Рукописный фонд библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 47 (Вельтман) I, папка 28, ед. хр. 8, л. 254.

подавании в ланкастерской школе широко использовал эти примеры. В записке «О солдате», написанной в это же время, Раевский давал смелую характеристику порядков в армии, писал о бедственном положении солдата, который получает за свою службу «бедность, труды и смерть»¹².

Записка Раевского была приобщена к его делу как обличительный материал, рисующий взгляды первого декабриста. Отрывок же из сочинения Вельтмана о военной нравственности как не внушающий опасения правительству был напечатан в «Сыне отечества» (№ XVIII за 1826 год).

После ареста Раевского и его заключения в Тираспольскую крепость дружба между ним, Пушкиным и Вельтманом не прекратилась. По-видимому, Раевский передал часть своих бумаг Вельтману. В фонде Вельтмана (в Рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина) до сих пор хранятся документы Раевского и ранний вариант его стихотворения из Тираспольской крепости¹³. Стихи Раевского имели большое влияние на Вельтмана. Об этом говорит и шуточное стихотворение Вельтмана «Послание к друзьям». Оно начиналось словами:

Вы позабыли обо мне
Я вас напрасно звал друзьями
Но все еще наедине
В мечтах или в глубоком сне
Мне кажется я вместе с вами.
Недавно видел сон один
Что по курьерской подорожной
Примчался к вам друзья в Хотин
И там увидел вас в чертежной..¹⁴

Это стихотворение напоминало знаменитое послание Раевского по размеру, по обращению к друзьям, но если послание «тираспольского узника» было страстным призывом к борьбе, то стихи Вельтмана были просто шуткой, рисующей быт офицеров, занимавшихся топографической съемкой.

Дружба между Раевским и Вельтманом связывала их всю жизнь, она выдержала испытания и во время заключения и ссылки Раевского в Сибирь.

А. С. Пушкин и В. Ф. Раевский интересовались историей Бессарабии, юга России. Нередко В. Ф. Раевский брал книги у А. С. Пушкина. Об этом говорит записка А. С. Пушкина, написанная им в начале февраля, перед самым арестом Раевского. В ней говорилось: «Пришли мне Раевский, «Историю Крыма», книга не моя, у меня ее требуют. Прощай и люби меня»¹⁵.

¹² ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42, т. IV, литер «А», л. 38.

¹³ См. Рукописный фонд библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 48 (Вельтман) II, папка 11, ед. хр. 33, 34.

¹⁴ Там же, ф. 47 (Вельтман) I, папка 28, ед. хр. 4, л. 183.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, 1958, стр. 34.

Раевский начал писать очерк по истории Бессарабии, который не окончил из-за ареста. От очерка сохранились только отдельные листы¹⁶.

По-видимому, книгами из библиотеки Липранди пользовался и Вельтман, работая над историей древней Бессарабии. Он изучал и конспектировал Тацита, Плиния, Птоломея и других историков. В результате им была написана книга под названием «Начертание древней истории Бессарабии с присоединением исторических выписок и карты». Эта была первая книга Вельтмана, опубликованная в Москве в 1828 году¹⁷.

О содержании работы Вельтмана можно судить по краткому оглавлению: «Глава I — переселение стеснявшихся племен первых людей из Азии в Европу, глава II — неизвестность происхождения народов, населявших первоначально северную часть Европы и внутренность ее; глава III — Дарий, сын Гистаспа в 508 году до Р. Х. с многочисленным войском идет покорять скифов; тщетно преследует их по степям и возвращается, утратив большую часть войска своего; глава IV — греки основывают поселения по берегам Черного моря. В Бессарабии водворяются тириты, греческого происхождения; глава V — поход Филиппа за Дунай и победа над скифами. Скифы удаляются от Дуная к востоку. Геты занимают оставленную ими землю. Александр преследует трибаллов; отправляется через Дунай и побеждает гетов» и т. д.

В своей книге Вельтман стремился в популярной форме изложить существовавшие тогда взгляды на переселение народов и древнюю историю Бессарабии. Книга написана простым, доступным языком, но с несколько излишней нарядностью речи. Так, первая глава начиналась следующими словами: «В Азии, где первая весна украсила роскошною своею одеждою новорожденную природу, размножившиеся отрасли первых людей стеснились и часть племен пошла искать нового жилища за горами и за морем. Первых переселенцев привлекла южная часть Европы»¹⁸.

Совершенно не коснувшись средневековья и истории Молдавского княжества, Вельтман в заключение переходил к 1812 году и заканчивал гимном в честь присоединения Бессарабии к России. Он писал: «Может быть на земле нет другого пространства, которое бы видело на поверхности своей столько племен людей, различного происхождения, как Бессарабия. Почти в продолжение 2500 лет она была между владычествовавшими народами неустанною обителию, не знавшей где живут постоянно обладатели. Но 1812 год решил жребий Бес-

¹⁶ См. ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42.

¹⁷ См. Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное генерального штаба штабс-капитаном Вельтманом. М., тип. С. Селиванского, 1828.

¹⁸ Там же, стр. 4.

сарабии: Двуглавый орел расширил крыло далее на юг и она под надежным покровом, куда не достигнут бури, нарушающие благоденствие народов»¹⁹.

Итак, мы видим, что дружба Вельтмана с Раевским и Пушкиным оказала значительное влияние на тематику его первых произведений (о нравственном воспитании солдата, об истории Бессарабии), хотя по идейному содержанию эти произведения были далеки от взглядов Раевского и Пушкина.

Еще большее влияние кратковременная дружба с А. С. Пушкиным оказала на дальнейшее творчество А. Ф. Вельтмана, на выбор им тем из молдавской жизни. Интересуясь бытом и устным творчеством молдавского народа, Вельтман вскоре после приезда в Бессарабию начал писать молдавскую сказку в стихах «Янко-пастух». Эта сказка заинтересовала Пушкина. В своих воспоминаниях автор сказки рассказывает, что Пушкин пришел к нему и попросил почитать отрывок из сказки. Эту встречу Вельтман описывает так: «Три песни этой поэмы-буффы были уже написаны, зардевшись от головы до пяток, я не мог отказать поэту и стал читать. Пушкин хохотал от души над некоторыми местами описания моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери, и младенец, переломив рученкой стену, вылупил из хаты, как из яйца»²⁰.

Живой интерес А. С. Пушкина к творчеству, построенному на молдавском фольклоре, воодушевил Вельтмана, он продолжал записывать молдавский фольклор, собирать материал, который использовал затем в ряде своих произведений.

Проводя топографическую съемку территории Бессарабии, Вельтман хорошо познакомился не только с ее северной частью, но и с южной. Из официальной переписки командующего 6-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Жилтухина с Бессарабским гражданским губернатором мы видим, что в 1825 году полковник Гейдихин и поручики Прибытков и Вельтман были командированы по линии кордонной стражи, «состоящей по реке Дунаю и Пруту от с. Вилково до с. Новоселиц, как для проверки карты течения сих рек, так и для обозрения мостов, переправ, пикетов и назначения новых мест для кордонов...»²¹.

Поездки по Молдавии давали Вельтману богатейший материал о ее природе, быте и нравах населения. Все это оказа-

¹⁹ Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное генерального штаба штабс-капитаном Вельтманом. М., тип. С. Селиванского, 1828, стр. 54.

²⁰ Л. М а й к о в. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899.

²¹ ЦГИА МССР. Ф. 2, оп. 1, д. 10—20, л. 44.

ло большое влияние и на его первое литературное произведение «Странник», посвященное Молдавии.

«Странник» был написан в форме романа-путешествия. В русской литературе, как указывает в своей статье В. Ф. Переверзев, этот жанр был не нов. Но Вельтман в нем порвал с традициями карамзинского сентиментализма, его герой — «мечтатель, фантазер, для которого путешествовать — значит отдаться полету своего воображения»²².

«Странник» Вельтмана, как совершенно правильно говорит А. Кидель в статье «А. Ф. Вельтман», был первым произведением русской литературы, «которое познакомило русского читателя с природой и жизнью Молдавии»²³. Оно написано в форме своеобразного путешествия. Автор, лежа на диване, смотрит на карту и представляет себе те места, которые обозначены на ней. Вот перед ним Хотин, Атаки, Сороки. «Это древняя Ольхиония, впоследствии Сокол, а наконец Сорока. Маленький Генуэзский замок, наподобие вырезанного в чербах...»²⁴, вот Днестр, берега которого «красивы, круты, скалисты, покрыты лесом и кустарником...»²⁵, вот Кишинев, Бухарест... В произведении даются описания природы, быта молдавских сел, молдавских танцев, приема у знатных бояр.

Белинский был высокого мнения об этом произведении Вельтмана. Он писал: «Г-н Вельтман начал свое поприще плохими поэмами в стихах, но известность приобрел своим «Странником», этою милою болтовнею в стихах и прозе о том, и о сем, а чаще ни о чем. В «Страннике» выразился весь характер его таланта, причудливый, своенравный, который то взгрустнет, то рассмеется, у которого грусть похожа на смех, смех на грусть, который отмечается удивительной способностью соединять между собой самые несоединимые идеи, сближать самые разнообразные образы... «Странник» — это калейдоскопическая игра ума, шалости, таланта; это не художественное произведение, а дело и шутка пополам; вы и посмеетесь, и вздохнете, а иногда и освежитесь более или менее сильным впечатлением творчества»²⁶.

А. С. Пушкин оценил «Странника» как талантливое произведение. В письме от 9 мая 1831 года к Е. М. Хитрово он писал: «Посылаю вам, сударыня «Странника», которого вы у меня просили. В этой немного вычурной болтовне чувствуется настоящий талант...»²⁷. Вокруг «Странника» создались раз-

²² В. Ф. Переверзев. А. Ф. Вельтман. Вступительная статья к кн. Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского. Соломея». М., 1957, стр. 5.

²³ А. Кидель. А. Ф. Вельтман (1800—1870). «Ниструл», 1957, № 4, стр. 140.

²⁴ А. Ф. Вельтман. Странник. М., 1831, стр. 19.

²⁵ Там же, стр. 156.

²⁶ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 116.

²⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 348.

личные мнения. В «Литературной газете» была дана резкая и отрицательная рецензия, которая взволновала А. С. Пушкина. В письме к В. В. Нащокину от 1 июля 1831 года он писал: «Я сейчас увидел в «Литературной газете» разбор Вельтмана, очень неблагоприятный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было...»²⁸.

А. С. Пушкин так и не написал рецензию на «Странника», но А. Ф. Вельтман высоко ценил внимание к себе поэта, и для него было дорого само желание Пушкина написать о его первом произведении. В своих воспоминаниях А. Ф. Вельтман писал: «Я отправился из Кишинева и не видел уже Пушкина до 1831 года. Он посетил странника уже в Москве. «Я непременно буду писать о «Страннике», сказал он мне. В последующие свидания он всегда напоминал мне об этом намерении. Обстоятельства заставили его забыть об этом; но я дорожу ценю это намерение...»²⁹.

Знакомство с А. С. Пушкиным и его произведениями оказало большое влияние на творчество А. Ф. Вельтмана. Об этом он писал в своих воспоминаниях. После смерти поэта Вельтман писал: «Теперь где тот, который так таинственно, так скрыто даже для меня пособил развешиваться силам остепенившегося странника?»³⁰.

Особенно сказалось влияние А. С. Пушкина на последующие произведения А. Ф. Вельтмана, написанные на молдавские темы. Будучи одновременно с Пушкиным современником и очевидцем многих событий в Молдавии, Вельтман в основном брал те же темы и события, о которых писал А. С. Пушкин, но к разрешению их подходил иначе, по-своему.

Как известно, А. С. Пушкин восторженно встретил начало Гетерии в Молдавии и Валахии, посвятил борьбе греков ряд искренних, волнующих стихотворений. В повести «Кирджали» Пушкин, описывая Скулянскую битву, с огромным сочувствием нарисовал картину мужественной борьбы гетеристов против турок.

Вельтман в одном из своих ранних произведений — в повести «Радой», опубликованной в 1839 году, также описывает Скулянскую битву, но главным лицом в повести выводит гетериста серба Радоя. Повесть сложна по своей композиции: тут и описание крепости Варны, взятой в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов, и случайная шокупка у продавца кофе свертка синей бумаги, исписанной по-русски, — дневника

²⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 351.

²⁹ Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с А. С. Пушкиным». СПб., 1899, стр. 131.

³⁰ Там же, стр. 132.

неизвестного офицера, и воспоминание автора о Скулянской битве и встрече с сербом Радоем, о котором говорится в дневнике.

В повести красочно описываются войска гетеристов, но с позиций человека глубоко чуждого движению. Описание лагеря гетеристов под Бухарестом Вельтман давал от имени неизвестного русского офицера: «Мне казалось, что меня везут на шабаш нечистой силы. Со всех сторон раздавались дикие голоса, которые пели:

Ипсиланти фетмаршал
Дуке маре инарал
Пом — пом-пом померани — пом!

Вельтман очень ярко показал неоднородность состава гетеристов, резкие противоречия между Тудором Владимиреску и Ипсиланти. Он ясно видел два направления в Гетерии, но не представлял себе социальных корней движения, во главе которого стоял Владимиреску. Он видел в них разбойников «дружных с темной ночью, да острым ножом». Несмотря на это, Вельтман с большим сочувствием описывал внешность Владимиреску, его решительный вид³¹.

Портрет Ипсиланти, которого Вельтман хорошо знал по Кишиневу, в повести дан несколькими штрихами, подчеркивающими театральность греческой одежды³². Вельтман не делает выводов о своем отношении к Ипсиланти и Владимиреску, но из сопоставления их портретов видно, что он далек от восхищения деятельностью Ипсиланти. По-видимому, он, так же как и Пушкин, уже изменил свое отношение к Ипсиланти. Это видно и из того, с какой теплотой он описывает гетериста серба Радоя, сделав его наиболее яркой фигурой в повести.

В повести Вельтман рассказывает о Скулянской битве. Если Пушкин, основываясь на рапортах Инзова, дал подробную картину упорного боя гетеристов против турок, то Вельтман сосредоточивает все внимание на бегстве гетеристов и выделяет только своего героя Радоя как последнего защитника переправы. Он дает следующее описание боя:

«...Вдали за горой раздавались выстрелы... все ближе и ближе... Вдруг на высотах взвился, как будто столб вихря разостлался на скату и пошел быстро к переправе. Это бежали несколько сот этеристов, преследуемых турками и выстрелами. В несколько мгновений вся эта свалка облизилась с толпами народа, занимавшего все пространство против переправы и хлынувшего от ужаса на паром и в воду. Преследуемые этеристы бросились вправо, в кут реки и здесь еще думали обороняться и удержать напор турков единственную пуш-

³¹ См. А. Ф. Вельтман. Радой. «Сын отечества». Журнал истории, лесности и политики, т. VII, кн. I. СПб., 1839, стр. 135.

³² Там же, стр. 132.

кою заряженною остатками гвоздей. Но турки выставили против них несколько орудий, и дело было решено — все бросилось в воду и спаслось от преследования под кров нашего берега, укрепленного войсками и орудиями. Турецкие пули метко подстреливали пловущих; по реке заструилась кровь и поплыли трупы убитых и утопших к морю»³³. Затем следовало описание мужественного поведения гетериста Радоя, который стоял на коленях и не переставал стрелять по туркам, прикладывая ружье на лежащий перед ним камень, как на бруствер. По повести Вельтмана Радой один защищал переправу товарищей до тех пор, пока не кончились патроны.

Таким образом, если в «Кирджали» дается картина упорной героической борьбы всего отряда гетеристов против турок, то в «Радое» Вельтмана это сражение проходит в виде слабого сопротивления бегущих гетеристов, и только один Радой до последней минуты защищает переправу. Радой больше интересует Вельтмана не как участник национально-освободительного движения, а как романтический герой, несчастный в своей любви. Стремясь наградить героя за перенесенные страдания, Вельтман заставляет Радоя при переправе спасти красавицу сербку Миросаву. При описании девушки Вельтман не жалеет красок: «По красоте своей, по черным глазам, над которыми срослись густые брови, и по большим ресницам, как будто отражавшим блеск взоров лучами, и по одежде, я думал, что она молдаванка; длинные локоны ее смокли от воды и разостлались по пунцовой, бархатной, шитой золотыми шнурками жакавейке; на ней было белое платье и стан перетянут. Она стояла на коленях перед своим спасителем и перывывала ему плечо»³⁴.

Повесть о Радое заканчивалась идиллией на скулянском берегу: «В раскиданных толпах на лугу с трудом нашел я то, что искали глаза мои. Под навесом заброшенного плаща, на воткнутых в землю жердях, она сидела на ковре подле этериста, который лежал, преклонив голову на ее колени»³⁵.

Таким образом, Вельтман, взяв тему о гетеристах и Скулянском бое, делает своими героями не представителей народа, не рядовых гетеристов, а офицера русской армии, из-за несчастной любви «бросившегося» в ряды гетеристов.

Поэма Пушкина «Братья-разбойники» была написана им в 1821—1822 годах. Это небольшой отрывок из уничтоженного им произведения. Сюжетом для поэмы, как указывал сам поэт, послужил реальный случай, который Пушкин наблюдал в Екатеринославе. В письме к Вяземскому Пушкин писал: «Вот тебе и «Разбойники». Истинное происшествие подало мне по-

³³ А. Ф. Вельтман. Радой. «Сын отечества», стр. 167.

³⁴ Там же, стр. 165.

³⁵ Там же.

вод написать этот отрывок. В 1820 году в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мною не выдуманы»³⁶. Вельтман считал, что поэма написана под впечатлением сцены поимки в Кишиневе Урсула. В бессарабских воспоминаниях Вельтман писал: «Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядом на талгаря Урсула (талгарь — разбойник, урсул — медведь). Он был начальник шайки, состоявшей из разного сброда вольнолюбивых людей, служивших егерии молдавской и перебравшихся в Бессарабию от преследования турок после Скулянского дела... На окованного Урсула съезжался смотреть весь город. Это был образец зверства и жесточения; когда его наказали, он не давал лечить себя, лежал осыпанный червями, но не охал»³⁷.

Свою повесть «Урсул» Вельтман опубликовал в 1841 году. В ней он дает красочное описание внешнего вида гайдуков, небольшие картины, рисующие быт молдавских бояр, сцену у корчмы. С большим сочувствием Вельтман описывает наружность Урсула: «Взглянув на него, я удивился прекрасной, мужественной наружности; суровость лица смягчалась спокойными взорами, которые как будто вместе с мыслями его погружены были в лучину памяти о прошедшем. Он был еще молод, но седина клочками проглядывала на черных волосах»³⁸. Урсул вел себя на допросе с большим мужеством и отказался отвечать на вопросы. Вельтман пишет, что поведение Урсула заинтересовало его, и он попросил Урсула рассказать о себе. Гайдук начинает рассказывать о себе в темнице, а затем таинственным призраком появляется ночью в комнате автора и заканчивает повесть о своей жизни.

В поэме «Братья-разбойники» А. С. Пушкин указывает причины, толкнувшие братьев на разбой, говорит о нужде с детских лет, о том, что у сирот не осталось «ни бедной хижины, ни поля». Вельтман же, описывая жизнь Урсула, вместо социальных причин, выдвигает неудачную любовь, которая привела Урсула в ряды гайдуков. Много похождений было у Урсула, много богатств было вывезено его гайдуками. У красавицы Марьелы Урсул был тяжело ранен армашем Йоргом. Разбойники спасли Урсула. Поиски Марьелы привели его в Кишинев, где он и был пойман вместе со своими товарищами.

У А. С. Пушкина братья-разбойники — живые, действующие люди, любящие, страдающие, тяжелой ценой завоеываю-

³⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X.

³⁷ Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». СПб., 1899, стр. 127 и 128.

³⁸ А. Ф. Вельтман. Урсул (Сто русских литераторов). СПб., 1841, стр. 354.

щие себе свободу, у Вельтмана же Урсул из активного гетериста, а затем гайдука, которым он был на самом деле, превратился в человека, погруженного в сон и только изредка приходящего в себя, в человека, изнуряющего себя «по воле бога». Рассказывая о себе, Урсул говорил: «Много времени прошло покуда я очнулся; много бед наделал я людям во время отвержения от всех чувств человеческих... не хочу считать это время жизнью — пусть будет это сон!»³⁹; «...в безумстве своем я был вместе и атаман и игрушка разбойников»⁴⁰. Мужественный гайдук Урсул был показан Вельтманом глубоко верующим человеком. На первую просьбу рассказать о своей судьбе Урсул якобы ответил: «Зачем тебе знать? Знает про то бог. В его великой книге все записано... Сам я записал в нее и мое имя и дела и помышления, без допроса, без грозы и истязания. Придет время, он скажет только: «На, читай — судись и казись!» Для меня пришло это время; и день и ночь, и наяву и во сне, все читаю я про себя, и со скрежетом зубов подкладываю под себя огонь, вымещаю на душе и на теле все дело воли моей. Сушу в костях мозг, кипячу кровь, вытягиваю жилы... О, зол человек! Он сам себе мститель!»⁴¹.

Таким образом, Вельтман, взяв из запечатлевшейся в его памяти молдавской жизни образ гайдука Урсула, превратил его в романтического разбойника, а затем в кающегося грешника.

Живя в Кишиневе, А. С. Пушкин часто бывал в доме молдавского помещика Варфоломея, где на танцы собиралась молодежь. Молодые люди ухаживали за дочерью Варфоломея — красавицей Пульхерицей, которая нравилась и А. С. Пушкину. К Пульхерице было адресовано необработанное стихотворение, написанное им в 1821 году:

Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжко помнить вам
Жертву тайного страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминания⁴².

В письмах А. С. Пушкина, написанных в стихах и в прозе, часто упоминаются дом Варфоломея и Пульхерица. В небольшом стихотворении «Записки к В. П. Горчакову» А. С. Пушкин просил узнать, что будет в понедельник в доме Варфоломея. Он писал:

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь,

³⁹ А. Ф. Вельтман. Урсул, стр. 364.

⁴⁰ Там же, стр. 388.

⁴¹ Там же, стр. 358.

⁴² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 89.

Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей...⁴³

Уехав из Бессарабии, Пушкин продолжал вспоминать «пестрый дом» Варфоломея, как неотъемлемую часть Кишинева. В стихотворении «Из письма к Вигелю» А. С. Пушкин, шутливо браня Кишинев, писал о доме Варфоломея:

Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные...⁴⁴

В этом письме А. С. Пушкин говорил и о Пульхерице: «Пульхерии Варфоломей объявите за тайну, что я влюблен в нее без памяти и буду на днях эзекутор и камер-юнкер в подражении! другу Завальевскому...»⁴⁵.

Впоследствии, находясь в Пскове, поэт в письме к Н. С. Алексееву с большой теплотой вспоминал годы, проведенные в Кишиневе, друзей и дом Варфоломея. В письме говорилось: «Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк, опрятный и чопорный, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! Я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке... Опять рейн-вейн, опять Шапран, и Пушкин, и Варфоломей, и все...»⁴⁶.

В доме Варфоломея бывал и А. Ф. Вельтман. Его также интересовала красивая, но никем не увлекавшаяся Пульхерица. Много лет спустя после отъезда из Бессарабии Вельтман сделал Варфоломея и его дочь Пульхерицу главными действующими лицами своей повести «Два майора», опубликованной в 1848 году в «Москвитянине». Сюжет этой повести был очень прост.

В одном из сел, принадлежащих помещику, была расположена воинская часть. Кавалерийские майоры Кларин и Рамин вели спокойную, ленивую жизнь⁴⁷. Друзья решили пойти в гости к помещику, давно приглашавшему их. Поме-

⁴³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 165.

⁴⁴ Там же, стр. 154.

⁴⁵ Там же, т. X, стр. 69.

⁴⁶ Там же, стр. 219.

⁴⁷ См. А. Ф. Вельтман. Два майора. «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 33.

щик раньше широко жил, давал балы, но «тщеславная мысль дать в приданое дочери мильон и поразить тем всех князей и бояр не только Бессарабии, но и обоих княжеств, так овладела им, что он пустил свой капитал в откупной оборот»⁴⁸. Разорившийся боярин решил выдать свою дочь Пульхерицу за одного из майоров. Майоры влюбились в Пульхерицу, сделали предложение, но один через отца, а другой через мать. Они оба получили согласие и стали ждать дня свадьбы. Во время поездки за туалетами Пульхерице приглянулся один военный «с огненными глазами». В это время ловкая сестра боярина Костаки решила сосватать Пульхерицу за своего неудачника-брата. Пульхерица приняла сваху за сестру понравившегося ей военного и бежала с ней из дома. Наутро выяснилось, что муж был совсем не тот, которого она ждала, но было уже поздно. Майоры так и не дождались своей невесты, но отыскивать похитителя не пошли и вернулись к своему прежнему образу жизни.

Таким образом, А. Ф. Вельтман, взяв интересовавшую А. С. Пушкина тему о Пульхерице, использует ее для красочной зарисовки жизни, быта и нравов боярской семьи. Пульхерицу же он рисует не неприступной красавицей, а романтически настроенной перезревшей девой, готовой броситься на шею первому приглянувшемуся ей офицеру.

В ряде других произведений («Костештские скалы», «Приключения, почерпнутые из моря житейского»⁴⁹ и др.) Вельтман дает картины природы Молдавии, отдельные бытовые сцены, сказки и предания.

Таким образом, беря под влиянием А. С. Пушкина одноименные с ним темы, А. Ф. Вельтман решал их по-своему и не смог в их разрешении достигнуть высот пушкинского реализма.

Несмотря на это, картины из жизни помещиков и крестьян, песни и предания, картины природы и исторические события, которые мы видим в произведениях А. Ф. Вельтмана, до настоящего времени представляют собой большой интерес, знакомя читателя с жизнью и бытом Молдавии того времени.

⁴⁸ См. А. Ф. Вельтман. Два майора. «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 49.

⁴⁹ См. А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Соломея. М., Гослитиздат, 1957, стр. 198 и 199.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961